
ОТНОШЕНИЕ К СТРАНАМ — УЧАСТНИЦАМ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

А.В. Ладыгин

Кафедра истории России
Уральский государственный технический университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002

Статья посвящена формированию образа стран — участниц франко-прусской войны в российской публицистике. Анализируются различные трактовки причин войны в российской печати. Выявляются тенденции в изменении оценок роли стран — участниц конфликта, определяется влияние войны на развитие панславистских настроений. Рассматривается отношение к враждующим сторонам со стороны российского правительства и влияние публицистики на внешнеполитический курс страны.

Ключевые слова: представления о Франко-прусской войне; образ врага; оценка войны; клише; прусская гегемония; германская агрессия; объединение славян; национальный дух; национальное самосознание; вооруженный мир.

Франкфуртский мир, увенчавший франко-прусскую войну, покончивший с преобладанием Франции в системе международных отношений, закрепивший объединение германских земель под главенством Пруссии, привел к изменению ситуации в Европе.

В России существенное влияние на освещение международных отношений в прессе оказали изменения, обусловленные великими реформами 60-х — 70-х гг. Речь идет, в первую очередь, об образовательной реформе и преобразованиях в печати. Особое влияние на освещение войны оказали «Временные правила о печати» 1865 г., отменявшие предварительную цензуру для столичных периодических изданий. В результате дискуссия о войне впервые приняла общественный характер, широко обсуждалась в печати, в нее постепенно втянулись основные политические силы страны, а итоги конфликта способствовали актуализации проблемы дальнейших реформ. Возможность изучения представлений о Франко-прусской войне определялась прежде всего тем, что это противостояние было первым, широко обсуждавшимся в российской печати.

Круг задач настоящей статьи включает в себя следующие основные проблемы:

- анализ различных трактовок причин войны в российской публицистике;
- выявление тенденций в изменении оценок роли стран — участниц конфликта;
- оценка влияния войны на развитие панславистских настроений в среде интеллектуальной элиты России;
- выявление отношения к враждующим сторонам со стороны правящей элиты на протяжении войны и влияния публицистики на внешнеполитический курс царского правительства.

С началом войны предметом дискуссии стала проблема происхождения войны. Коллектив либерального журнала «Вестник Европы», пытаясь определить, откуда исходит инициатива конфликта, в качестве виновника противостояния называл бонапартистский режим во Франции: «Нынешняя война — это лучшее доказательство того, что бонапартизм не может править Францией путем свободы и мира, что он не может ужиться со свободой и что всю свою будущность, самое существование он готов поставить в зависимость от случайностей войны, лишь бы удержать в своих руках личный произвол» (1).

Давая оценку мотивам, которые движут двумя враждующими нациями, журналисты «Вестника Европы» отмечали, что если в основе интереса правительства Второй империи лежит династический вопрос, а именно укрепление династии путем завоевания левого берега Рейна, то для немцев это вопрос о национальном существовании, поэтому если французы в целом скептически относились к войне, то немцы сами подталкивали свое правительство к участию в конфликте (2).

С другой стороны, в демократическом журнале «Отечественные записки», хоть и признавалась вина Наполеона в развязывании конфликта, связанная со стремлением бонапартистов отвлечь народ от внутренних проблем, в то же время отмечалось, что «и прусскому правительству небезвыгодно пустить в ход свою игольчатую систему» (3). Одновременно журналисты издания предлагали российскому правительству не торопиться с вмешательством в конфликт на чьей-либо стороне.

Первоначально лишь редактор консервативной газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков выступал в качестве проводника антипрусских настроений (4). Остальные издания заняли выжидательную позицию. Так, журналисты газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 19 июля 1870 г., давая оценку ситуации в Европе, где уже в течение трех дней шла война, отмечали, что определенные силы в России выступают за участие в войне на стороне Франции и сокрушение Пруссии, так как это, якобы, будет способствовать интересам славянства.

Автор заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях», в частности, весьма критически отзывался о позиции редактора «Московских ведомостей», писавшего об угрозе остзейским провинциям России, и замечал, что если вмешательство немцев носит воображаемый характер, то французское вмешательство в польские дела совершенно реально. Поэтому он призывал российское правительство воздержаться от участия в конфликте (5).

В августе, когда исход войны еще не был решен, журналисты «Отечественных записок» могли себе позволить занимать позицию «над конфликтом», высмеивая обе ее стороны. Отмечалось, что «если о воинственном настроении враждующих государств судить по петербургским и московским немцам и французам, то можно подумать, будто оба народа давно желали драки. В Петербурге и Москве между пьяными немцами и французами происходило уже несколько ожесточенных битв на кулаках, в которых, хотя убитых не оказалось, но раненых было больше, чем у Саарбрюкена» (6).

Напротив, редактор либеральной газеты «Голос» Краевский писал о необходимости извлечения максимальных выгод для российской торговли и про-

мышленности из войны. В газете довольно ясно намечались цели, которым должно было следовать российское правительство: «Изменить в нашу пользу постановления Парижского трактата 1856 г. и получить в Европе принадлежащий нам по праву голос в делах, слишком близких племенным интересам России» (7). Позиция руководства «Голоса» заключалась в отстаивании принципа вооруженного нейтралитета, который предполагал демонстрацию силы или даже военное вмешательство в благоприятный для России момент (8).

Таким образом, в начале конфликта большинство газет и журналов, за исключением «Московских ведомостей», занимали антифранцузскую позицию, но в то же время предлагали придерживаться нейтралитета. О необходимости вмешательства в конфликт на стороне Франции говорил лишь один М.Н. Катков. С другой стороны он был вынужден признать, что война явилась следствием провала внешней политики Франции, обусловленного тем, что Французская империя предпочла войну соглашению с Россией (9). В целом, в газетах и журналах накануне войны публицисты писали о вероятной победе Франции. Учитывалось морское преобладание Второй империи, создающее угрозу германскому морскому побережью. Война изображалась как затяжная, приводящая к неизбежному истощению обеих сторон (10).

Однако уже в сентябре ситуация кардинально меняется. «Отечественные Записки» ужасались тяжелым положением Франции и рассуждали о причинах успехов Германии. По мнению авторов журнала, основная роль в победе пруссаков принадлежит их военной организации. Причем подлинно национальный состав германской армии, которым восхищались газеты и журналы еще в июле-августе, теперь вызывает совсем иные ассоциации.

Признавалось, с одной стороны, что немецкое войско представляет собой «вместе и армию и народ», с другой, отмечалось, что по своей численности и составу оно схоже с армиями монгольских орд, так как в обоих случаях идти на войну обязан каждый мужчина, способный носить оружие. Более того, по мнению авторов журнальной статьи, поведение прусской армии на оккупированной территории ничем не отличалось от поведения кочевых орд, а успехи немцев могут внушать лишь антипатию (11).

Редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков писал в передовице от 25 сентября 1870 г., что поражение Франции, в котором отныне никто уже не сомневался, приведет к резкому ухудшению позиций России в восточной Европе, так как вызовет объединение Германии и, таким образом, покончит с борьбой за общегерманскую гегемонию между Пруссией и Австрией, превратив последнюю в аванпост общегерманского продвижения на Восток (12).

Аналогичные взгляды проявлялись в позиции консервативного журнала «Русский Вестник». Автор «Заметок о франко-прусской войне» П. Щебальский замечал, что, несмотря на всяческое стремление России к миру в Европе, в будущем ей неизбежно придется столкнуться с германской агрессией. Грядущая война, по его мнению, является неизбежной именно потому, что не зависит от воли русского или германского правительств, а определяется неким непреложным зако-

ном, согласно которому на смену отжившей романской расе в лице Франции приходит молодая германская раса, призванная в настоящем играть роль первой скрипки в международных делах. Далее он задается вопросом о том, кому принадлежит будущее? «В Европе есть одно только молодое, обширное, почти еще не жившее исторической жизнью племя — славянское и столкновение с ним Германии должно решить и предел расширению германского племени» (13).

Идеи панславизма во время войны набирают обороты среди образованных слоев русского общества как своеобразная реакция на усиление Германии. В самый разгар войны выходит работа Р. Фадеева «Мнение о Восточном вопросе», в которой известный публицист пишет, что если немцы забирают Шлезвиг и Гольштейн у Дании, а Лотарингию у Франции во имя объединения германцев, то рано или поздно они начнут вмешиваться в дела остзейских провинций России, так как среди 2 миллионов подданных русского царя там проживает 100 тысяч немцев (14).

Фадеев считал, что прочный мир с Германией будет возможен лишь тогда, когда произойдет объединение славян и к ним перейдет «первенство в старом свете», однако до этого России неизбежно придется столкнуться с Германией и ее союзниками, «чтобы оградить свои собственные права» (15).

Одновременно необходимо отметить, что панславизм, получивший импульс к развитию в России после разгрома Австрии в войне с Пруссией, к моменту франко-прусской войны так и остался маргинальным течением общественной мысли. Возможности славянофилов выражать свое мнение были серьезно ограничены после закрытия в 1868 г. газеты «Москва». Основная часть панславистов сгруппировалась вокруг журнала «Заря» под редакцией Н.Н. Страхова. Однако, в отличие от «Москвы», этот журнал не всегда придерживался последовательных взглядов, испытывал недостаток подписчиков и, соответственно, нехватку средств и был закрыт в 1872 г.

В то же время еще в сентябре 1870 г. антигерманизм как естественная реакция на усиление Германии отнюдь не был господствующей тенденцией в Российской печати. Так, например, прогерманскую позицию занимали корреспонденты «Вестника Европы». В сентябрьском номере коллектив журнала сосредоточил свои усилия на выявлении причин победы Пруссии и падения Второй империи во Франции. В результате был сделан вывод о несостоятельности Второй империи не только в вопросах дипломатии, стратегии и тактики, но и в постижении народных стремлений своих соседей и недооценке национального духа немцев. Отмечалось, что «император Наполеон шел разрушить объединяющуюся Германию, воображая себе, что это объединение есть плод какого-нибудь графа Бисмарка, а не всей новейшей истории немецкой нации» (16).

В октябре, когда Париж находился в прочном кольце осады и судьба войны была бесповоротно решена, «Вестник Европы» по-прежнему развивал мысль, согласно которой главным «машинистом» реакции в Европе был Наполеон III. В то же время коллектив журнала, отмечая с удовлетворением, что режим Второй империи изгнан из Франции и «взят в плен», задавался вопросом: а изгнан ли

вместе с Бонапартами из Франции шовинизм? На этот вопрос на страницах издания был дан отрицательный ответ.

В печати обсуждалась проблема преобладающего влияния военных успехов на самосознание нации. Высказывались опасения о возможности развития у немцев «головокружения от успехов» на фоне блестящих побед. Впрочем, издание успокаивало читателей аргументом, что, мол, хуже, чем до войны, уже не будет. Предполагалось, что если Бисмарк захочет «юнкерствовать» не в меру, то немецкий народ его остановит (17).

Той же проблемы в октябрьском номере касались и «Отечественные записки». Коллектив журнала выдвинул своеобразный тезис «Горе победителям!». Развивая свое утверждение, он отмечал, что победы французской республики привели к цезаризму Наполеона I, подавившего стремление французской нации к свободе и, более того, сделали возможным установление Второй империи. Ее победы в Крыму, Италии, Мексике способствовали установлению деспотизма Наполеона III и предопределили падение его правительства (18).

Корреспонденты «Отечественных записок» впервые подняли вопрос: а не доведут ли непрестанные победы немцев их мужественную гордость до полного презрения к другим народам и стремлению к их порабощению (19)? Как показала история, эти сомнения были небеспочвенны.

В целом для большинства российских легальных изданий с октября 1870 г. было характерно отстаивание позиции о недопустимости дальнейшего продвижения прусских войск на территорию Франции, необходимости положить предел ее притязаниям на французские территории. Антигерманские настроения в прессе к концу 1870 г. приняли столь выраженный характер, что в номере «Московских ведомостей» за 12 декабря М.Н. Катков позволил себе восхититься той ясностью, с которой русские «видят величайшую опасность для славянского племени в победе тевтонов над романским племенем» (20).

На протяжении 1871 г., вплоть до заключения мира, в отечественной публицистике утверждается мнение о том, что Германия больше не воюет за свою свободу и независимость, которые ранее подвергались опасности. Напротив, все чаще встречаются упоминания о росте ожесточения среди немцев, вызванного упорным сопротивлением французов, потере немецкой стороной «чувства меры» и пренебрежением нормами «самой невзыскательной гуманности». Распространяется утверждение, что война, которая первоначально велась вполне гуманно, впоследствии приняла варварский характер, который может сравниться лишь с действиями «французских полчищ при Людовике XIV» (21).

Если, по мнению редколлегии «Санкт-Петербургских ведомостей», в течение многих десятилетий в Европе существовало убеждение в господстве твердых и нерушимых принципов международного права, то это наивное убеждение превратилось в пух и прах после заключения «прусского мира».

Более того, корреспондент «Отечественных записок» после беседы с несколькими национальными гвардейцами, принимавшими участие в защите Парижа от немцев, отмечал ту свирепую ненависть, которая охватила французское обще-

ство после подписания прелиминарных соглашений. Повсюду французы говорили, что было бы позором для их нации держаться гуманной политики, необходимы возрождение военной мощи Франции и безжалостное мщение. Газета отмечала, что среди французов все чаще слышалось забытое за два десятилетия господства цезаризма слово «долг» (22). После взятия Парижа и последовавшим за этим мощным подъемом национального самосознания французов в отечественной печати все более слышится восхищение французами и недоброжелательное отношение к немцам.

Интересно сравнить оценки в периодике печати с мнениями, дошедшими до нас в переписке. За 5 дней до капитуляции Парижа, 11 января 1871 г., Ф.М. Достоевский в своем письме к А.Н. Майкову отмечал: «Вы пишете, что против грубой силы встает теперь во Франции дух нации? Да никогда же я в этом не сомневался с самого начала, и если там не дадут маху, заключив мир, и переждут еще месяца три, то немцы будут выгнаны и тогда — какой позор!» (23).

В то же время представляется важным отметить, что в хоре голосов, обвиняющих немцев во всех смертных грехах вплоть до самого конца войны, можно было услышать и совсем иные интонации. Так, например, в одном из февральских номеров газеты «Голос» была помещена заметка генерала П.В. Анненкова, который во время войны был командирован в Пруссию для изучения работы железных дорог. Он объяснял причины победы пруссаков в подходящей к завершению войне. Генерал писал о потрясающем превосходстве германской организации, а также умственного развития прусских солдат, многие из которых имели высокий образовательный уровень, были привлечены в боевые ряды на основе всеобщей воинской повинности, сторонником которой выступал и сам генерал Анненков. Особых похвал удостоился унтер-офицерский состав германской армии, который, по мнению русского генерала, придавал дисциплине прусской армии характер сознательного понимания долга и ответственного отношения к служебным обязанностям, которые необходимы для достижения успеха в войне (24).

В самом конце войны та же газета, с одной стороны, пестрила штампами, отождествляющими Пруссию со львом, который терпит существование маленьких государств по соседству лишь до тех пор, пока не проголодается или захочет поиграть, а также об ужасах войны, принесенных Пруссией в Европу. С другой стороны, делался вывод о том, что сила Пруссии заключается в единстве нации и правительства, в широкой поддержке его мер всеми слоями населения (25). Таким образом, пример Пруссии должен был убедить правительства остальных государств отныне полагаться не на силу профессиональных армий, а на поддержку собственного народа.

Германская военная система, культура и цивилизация вызывали восхищение и у тех, кого совершенно невозможно было заподозрить в шовинизме и насаждении культа силы. К ним относился, в частности, И.С. Тургенев. С началом войны он безоговорочно поддерживал Германию, заявляя, что она одна способна не много ни мало — спасти европейскую цивилизацию (26). Исходя из его личных пристрастий и любви к Франции, которая носила притом не абстрактный, а вполне

конкретный, почти что личностный характер, он, казалось, должен был поддерживать французов, но, тем не менее, его симпатии к Германии были бесспорны.

Позиция автора принципиально не изменилась даже после Седана, когда прусское руководство открыто заявило о своих претензиях на Эльзас и Лорейн. Тургенев лишь заметил, что «немцы поступают необдуманно» и им следовало бы, отказавшись от французских территорий, наслаждаться своей ролью ниспровергателей безнравственной и безобразной деспотии Наполеонидов (27). Даже когда пруссаки опустошали французские департаменты, И.С. Тургенев писал П.В. Анненкову о том, что «падение гнусной империи» в сущности, не изменило его симпатий (28).

Вообще на протяжении всей войны позиция Ивана Сергеевича имела многогранный характер. Признавая за Германией едва ли не главную роль в ниспровержении «тирании» Наполеона III, он в то же время писал в феврале 1871 г. Полине Виардо: «Итак, Эльзас и Лотарингия потеряны, пять миллиардов... Бедная Франция. Какой ужасный удар и как оправиться от него? Здесь все полны сочувствия к Франции, но от этого становится только горше» (29).

При оценке степени влияния публицистики на общественное мнение, а также ее политической направленности представляется возможным сравнить ее с данными частной переписки. Периодические издания изначально отражали либо интересы определенных правящих группировок, либо интеллектуальных кругов, были ориентированы на формирование «необходимого» отношения к воюющим государствам у образованных слоев населения. Другое дело — письма известных литераторов. Они были адресованы друзьям, деловым партнерам или даже родным и близким, что не предполагало их оглашения в течение многих лет. В большинстве своем письма носили личный, а порой даже интимный характер, не могли выступать в качестве инструмента официальной или оппозиционной пропаганды, так как их авторы в переписке не преследовали политических целей.

Обращаясь к вопросу об отношении правительства России к участникам войны, необходимо помнить, что Наполеон III воспринимался в России как один из основных архитекторов Парижского мира 1856 г. Этот договор не только покончил с ведущим положением России в делах Европы, но и привел к серьезному ослаблению ее позиций в ближневосточной политике. Франция заняла освободившееся место лидера, и ее правительство на протяжении 60-х гг. последовательно препятствовало восстановлению Россией ее позиций. Кроме того, Александр II не мог забыть Наполеону III его вмешательство в польские дела в 1863 г.

Именно поэтому, еще в 1868 г. Александр II дал прусскому королю устное обещание, что в случае войны Пруссии с Францией к австрийской границе будет выдвинута 100-тысячная русская армия, дабы удерживать Австрию от вступления в войну на стороне Франции.

При этом важно отметить, что Россия, приняв участие в локализации войны в Европе в пользу Пруссии, при этом смогла «не двинув пушки, ни рубля» реализовать собственные интересы — добилась отмены статей Парижского мира (30).

Одновременно далеко не всегда наблюдалось совпадение взглядов руководителей периодических изданий и правительства империи. Как известно, в 1871 г.

министр внутренних дел А.Е. Тимашев вызвал к себе виднейших литераторов и, прочитав им лекцию о патриотизме, в конце своего выступления заявил, что «государь не может допустить со стороны нашей печати ни малейшего порицания дружественной нам державы: если по-прежнему вы будете держаться враждебного относительно ее тона, то примите к сведению, что правительство не ограничится угрозами, а прибегнет к суровым карательным мерам» (31). Подобная ситуация свидетельствовала, с одной стороны, о нежелании правительства слушать и слышать общество, выражавшее свое мнение на страницах периодической печати, а с другой стороны, об обеспокоенности императора растущей популярностью периодических изданий.

В целом, несмотря на существенные противоречия в оценках, можно отметить ведущую роль отечественной публицистики, в первую очередь газет и журналов, в деле внедрения пропагандистских штампов в массовое сознание. Представляется очевидным, что при формировании штампов-образов в отношении Франции и Германии господствующими были рациональные мотивы, основанные на утверждении примата национальных интересов России в международных вопросах. Печать все более превращалась в самостоятельную силу, которая не только указывала на основные угрозы, исходящие от соседей России, сознательно и целенаправленно формировала стереотипы в отношении этих государств у образованных, преимущественно городских, слоев складывающейся российской нации, но и активизировала свои усилия в попытках активно влиять на выработку внешнеполитического курса правительством империи. Другое дело, что правительство Александра II чувствовало себя достаточно уверенно, чтобы при проведении внешней политики не учитывать мнения периодических изданий.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Вестник Европы. — № 8. — 1870. — С. 801.
- (2) Там же. — С. 804.
- (3) Отечественные записки. — 1870. — № 8. — С. 247.
- (4) Московские ведомости. — 24 июля 1870 г.
- (5) Санкт-Петербургские ведомости. — 19 июля 1870 г.
- (6) Там же. — С. 243.
- (7) Голос. — 27 июля 1870 г.
- (8) Там же. — 12 августа 1870 г.
- (9) Московские ведомости. — 12 августа 1870 г.
- (10) Московские ведомости. — 17 июля 1870 г.; Там же. — 2 августа; Неделя. — 31 июля 1870 г.
- (11) Отечественные записки. — 1870. — № 9. — С. 118—119, 120.
- (12) Московские ведомости. — 25 сентября 1870 г.
- (13) Русский вестник. — 1870. — № 9. — С. 782.
- (14) *Фадеев Р.* Мнение о Восточном вопросе. — СПб., 1870. — С. 11.
- (15) Там же. — С. 24.
- (16) Вестник Европы. — 1870. — № 9. — С. 384.
- (17) Вестник Европы. — 1870. — № 10. — С. 840—841.
- (18) Отечественные записки. — 1870. — № 10. — С. 296.
- (19) Там же. — С. 296—297.
- (20) Московские ведомости. — 12 декабря 1870 г.

- (21) Санкт-Петербургские ведомости. 24 января 1871 г.; Ср.: Дело. — № 1. 1871 г. — С. 68—69; Ср.: Отечественные записки. — 1871. — № 3. — С. 195.
- (22) Отечественные записки. — 1871. — № 3. — С. 192.
- (23) *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 29. — Кн. 1. Письма (1869—1874 гг.). — Л., 1986. — С. 162.
- (24) Голос. — 16 февраля 1871 г.
- (25) Голос. — 3 июня 1871 г.
- (26) *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. — М.; Л., 1968. — Т. 15. — С. 15.
- (27) Там же. — С. 29.
- (28) *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений. Письма. — М.; Л., 1964. — Т. 8. — С. 278.
- (29) *Тургенев И.С.* Там же. — М.; Л., 1965. — Т. 9. — С. 19.
- (30) *Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. — Минск, 1976.
- (31) *Феокистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг. — Л., 1929. — С. 123.

FRENCH-GERMAN WAR COUNTRIES-PARTICIPANTS IMAGE IN RUSSIAN PUBLICIST WRITINGS

A.V. Ladigin

Department of Russian History
Ural State Technical University
Mira Str., 19, Ekaterinburg, Russia, 620002

The article is devoted to the problem of constructing the French-German war countries-participants image in Russian publicist writings. The author discusses the cause of war interpretations, reveals the tendencies which drew countries-competitors in conflict, attempts to define the influence of war on the intelligence' mood. He is interested in the question of relations between Russian government and press and the influence of the latter on the course of foreign policy.

Key words: notions of Franco-Prussian War; image of enemy; estimation of war; Clichйs; Prussian hegemony; German aggression; Association of Slaves; National spirit; National self-consciousness; armed world.